

УДК 930.1

О.В. Панченко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС И ПРОСВЕЩЕНИЕ**

Рассматривается эволюция философского смысла и значение частного интереса в жизни современных обществ.

Ключевые слова: *единственный, интерес, общество, просвещение, разум, человек.*

Общий взгляд на социальную историю с двумя ее противоположными тенденциями, унификации и диверсификации, позволяет обоснованно полагать, что это противоборство вначале нынешнего столетия достигло апогея. С одной стороны, наблюдается видимая, внешняя цивилизационная гомогенизация, а с другой, – отчетливо выражен дифференциал невидимой внутренней культурной гетерогенности, от системно-культурных целостностей до отдельных индивидов, торжество лишенного полета эгоизма во всем его видовом многообразии. Как и предвидел Дж. Локк, высшая цель социальной эволюции, этическая, в условиях конкуренции растворена в политической. Суть последней состоит в подавляющем приоритете индивидуальных интересов над общественными в модусе буржуазного либерализма. Отмеченная К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе» «точка зрения старого материализма», «гражданское» общество, не только не преодолена, но распространилась вглубь и вширь – в умы и сердца многих народов. Романтико-утопические проекты капитализма с «человеческим лицом», не выдерживая напора практики повседневности, окончательно мифологизируются. Метафизический Разум Просвещения, утверждавший о возможности установления царства свободы, равенства и справедливости вытесняет просвещенное ложное сознание, «циничный разум», символизирующий неопределенность и ненадежность бытия [1].

В умах современников, отмечал американский футуролог Ф. Фукуяма, победу празднуют идеалы «последнего человека» Ф. Ницше – безопасность и материальное благополучие. Высшие, «вторичные потребности», «признания и самоактуализации», по А. Маслоу, низведены до техносферы, эпатажа, регистрации в многочисленных «книгах рекордов Гиннеса». В современных языках термины классики «Вера», «Красота», «Духовность» заменены, соответственно, на: «расчет», «гламур», «адреналин».

Но «сжечь – еще не значит опровергнуть!» К счастью, имеются логические и реальные основания надеяться, что вирус эгоцентристского эмпирического эго, с которым в течение более двух тысячелетий боролись философия и религия, одержал хотя и полную, но не окончательную победу в душах современников. Философ сознания Д. Деннет саркастически заметил, что в адреналине содержится столько же гнева и страха, сколько глупости в бутылке виски. Ф. Фукуяму так же не устраивает собственный прогноз. Определяя негативные стороны либерализма, принципы которого «оказывают разъедающее воздействие на ценности, необходимые для самоподдержания общества», на последних страницах своей эпатажной книги «Конец истории и последний человек» автор с опаской вопрошает: «Не следует ли нам бояться, что мы будем и счастливы, и удовлетворены нашим положением и не будем больше людьми, но животными вида *Homo sapiens*?» [2, с. 468]. Основой конструирования более предпочтительного будущего, считает ученый, должен стать **правильно понятый** (курсив мой. – О.П.) собственный интерес, который на первых отрезках движения американско-европейского фургона по дороге либерализма являлся хотя и более низким, чем религиозные ценности, но еще достаточно твердым основанием.

Почти в одно время с финалистским проектом истории Фукуямы о конце философии объявил филолог К. Свасьян [3]. Суть нового аспекта берклианского «скандала в философии» он усматривает в бесплодности попыток всех предшествующих философов, от Платона до Гуссерля, рефлексивно обнаружить в индивидуальном Я универсальное содержание. Действительно: «Человек в нас есть единичное. Можно сказать даже: чем единичнее, тем человечнее. Но единичное алогично, следовательно, не когнитивно, а перцептивно» [3, с. 41]. Выясняется, что о собственном Я я знаю не больше, чем о собственной смерти, ибо знаю о нем только то, что оно есть. Поэтому важнейшей темой для современных любителей мудрости становится поиск ответа на вопрос: «где найти такую единичность, которая при всей своей фактической единственности воплощала бы смысл человеческого?» [3, с. 43].

Дадим на него пока что предварительный ответ: концепт историко-философского финализма не нов и не безупречен. Ввиду предельно-абстрактной структуры философских категорий характерной их чертой является трудноразличимость истины и заблуждения. Свидетельство тому – трансформация самого предмета философии, от натурфилософской к мировоззренческой проблематике, целью которой как раз и является прояснение Я, «стягивающего» вокруг себя все формы сознания. Это означает, что

єдиничне не тільки перцептивно і неопределенно, но контентально і когнітивно. Проблема в виборі і совершенствовании соответствующей методологии определения уникально-единичного.

На первый взгляд кажется, что вариантов для выбора нет. Действительно, как было известно еще древнегреческим логикам, сформулировавшим самореферентные высказывания, «чистое» Я не только алогично, но и «бессвойственно». Когда Я остается с собой «один на один», все попытки обнаружить его конкретное содержание заведомо обречены на неудачу, подобны поискам черной кошки в темной комнате. Непосредственно свое Я субъект может только пережить, что было верно подмечено и философами Востока, и феноменологом Э. Гуссерлем. Но разве для переживания не необходимо наличие побудительного иного?! По-видимому, прав был Маркс, заметив, что человек не рождается с «фихтеанским зеркалом в руках». А ранее, в этическом дискурсе, С. Кьеркегор подчеркнул, что чем больше общечеловеческого содержит в себе личность, тем большее право именоваться необыкновенной она заслуживает. Научным фактом, подтвердившим данный тезис, явилось открытие австрийским психологом Ф. Брентано интенциональности сознания: всякая мысль предметна, есть мысль о чем-то. Это означает, что лишь через отношение с Другим, представленное в чувствах и в знаниях-объективациях, субъекту открываются внешний и внутренний мир. Вспомним, что уже философские учения древних фундировала установка о жизни как отношении к иному: Атман/Брахман, Тело/Душа...

Сказанное, однако, не отменяет актуальности задачи расшифровки механизма конструирования самосознания, конкретизации его функций, определения роли в индивидуальном и социоприродном бытии, выявления соотношения влияния спонтанно-перцептивного и рационально-разумного на поведение людей. Здесь интересным и перспективным представляется обращение к философии эпохи Просвещения.

В реальной, в философской истории, в социологии (социализация, признание) можно наблюдать непрерывное движение духовного между полюсами – от субъективно-уникального к объективно-родовому и обратно. Конкретизацией данного «возвратно-поступательного» движения выступает динамика модуса самосознания, частного интереса зафиксированного на рефлексивном уровне в XVIII столетии. Здесь особо следует выделить вклад французского философа, писателя, общественного деятеля Клода Адриана Гельвеция (1715-1771), разработавшего учение об интересе как таковом и положившего частный интерес в основу учения о человеке и его нравственности. «Интерес, – подчеркивал мыслитель в «Записных книжках», – оттачивал и закаливал мечи, высекал гром из бронзовых колонн» [4. Т. I, с. 111]. В фундаментальном сочинении «О человеке» он заявляет: «Действительно, что представляет нам зрелище этого мира? Одну только непрерывную и разнообразную игру интересов» [4. Т. 2, с. 477]. Сущность закона бытия людей, по мнению философа, состоит в том, что и суждения, и действия определяет частный интерес, и что «если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На Земле интерес есть всесильный волшебник» [4. Т. I, с. 186].

Следуя за своим философским кумиром, одним из основателей теории гражданского общества Локком, в содержание понятия «интерес» Гельвеций включал широкий набор побуждений, а не одну лишь меркантильность. В самом общем смысле слова руководствоваться интересом – значит стремиться ко всякому благу, к тому, что может доставить нам удовольствие и избавить от страдания. Страсти, стремление к счастью и интерес настолько переплетены между собой, что их содержание во многом совпадает.

С исторической дистанции отметим, что концепция «интереса» (и в этом французский просветитель, безусловно, прав) предельно абстрактна. Она выходит за границы ценностных ориентаций утилитаризма, гедонизма и эвдемонизма. Интерес включает эмоционально-волевой, познавательный, праксеологический аспекты человеческой психики и поведения.

Продолжая традицию английского сенсуализма и индуктивизма, решающую роль в антропосоциальном бытии Гельвеций придает именно личностному, частному интересу, фундируя свой тезис посредством натуралистической антропологии. По его глубокому убеждению сфера духовных интересов обусловлена общей со всеми животными «физической чувствительностью» к боли и наслаждению. Из нее возникают имущественные, социальные, научные, правовые, этические, эстетические, – интересы. Первым детищем человеческой природы-сущности оказывается изначальное духовное чувство – «любовь к себе». С этической точки зрения она еще нейтральна, в отличие от эгоистических «самолюбия» и «себялюбия». Эти последние не есть запечатленные в нас природой чувства, а представляют собой возникшие впоследствии негативные преобразования первоосновы – любви к себе. Разделяя установку античной философии о разуме как субстанции человечности и источнике добродетели а так же веру современников в прогресс Мирового Разума, Гельвеций подчеркивал, что любовь к себе порождает не только негативный, но и позитивный источник жизни – индивидуальный разум. Впоследствии, в ходе напряженного противоборства со «стержнем наших страстей», самолюбием и себялюбием, личностный разум превращается в подлинно человеческий, в «привычку к творению идей».

Метафізически трактуя истоки частного интереса, Гельвеций не выходит за рамки миропредставления, присущего другим просветителям – Вольтеру, Дидро, Руссо, Монтескье... Позднее подобной установкой руководствовался позднее и основатель философской антропологии Людвиг Фейербах. Однако тщательный эмпирический анализ и напряженные размышления о содержании и функциях понятия «интерес» навели французского мыслителя на открытие в нем новых граней. Кроме того, рассмотрев интерес в качестве основы проявлений всех форм общественной и индивидуальной жизни, философ стоял выше и видел дальше своих современников. Личный интерес, по Гельвецию, есть хотя и врожденное, но изменяющееся целое. Он включает эмоционально окрашенное убеждение, сопряженное с волевым усилием по преодолению всемогущества страстей. Тот, для кого тщательно осмысленный и пережитый интерес стал высшей целью, как, например, для Сократа, предпочтет умереть, чем трусливо бежать, или молить о жизни.

Верность данной трактовки феномена «интерес» подтвердил дальнейший ход развития наук о человеке. Открытие «закона роста потребностей» в качестве двигателя социального прогресса не отменяет роли гельвециевского «первоисточника». По мнению выдающегося психолога С.Л.Рубинштейна между интересом и потребностью нельзя поставить знак равенства, поскольку потребность вызывает желание обладать предметом, а интерес – ознакомиться с ним. На этом основании ученый определил интерес как специфический мотив познавательной деятельности и выделил наличие в нем двух моментов: эмоциональной привлекательности и осознанной значимости. Интерес – это «сплав», единство интеллектуальных, эмоциональных, волевых проявлений личности, ядро которого составляют мыслительные процессы. Он есть осознанная, предметная потребность, выражающаяся в определенной нацеленности на деятельность. К последнему выводу вплотную приблизился и французский философ-просветитель. Ведь не только потребности определяют интерес, но сами испытывают воздействие интереса, конституируются благодаря осознанию, превращаясь в бессознательные влечения.

Апология частного интереса в размышлениях французского просветителя нацелена на формирование не только индивидуального, но и социального начала. В противоположность ранним и поздним утопиям, отношение частного и общественного интереса, по Гельвецию, есть переход от стадии противоборства к компромиссу и гармонии, а не к подавлению или подчинению одной из сторон. Это отношение эволюционирует во всех сферах жизни, прежде всего, в духовной основе социального – в нравственности. Смысл моральной трактовки личного интереса заключается в сознательном регулировании отношений между индивидами для обеспечения счастливого сосуществования.

В отличие от многих современников Гельвеций вплотную приблизился к выводу о том, что кроме юридических, социальные отношения регулируются относительно автономными, основанными на сознании отдельных субъектов, моральными императивами. В книге «О человеке» он различает три вида интересов: «личные интересы» (интересы индивидов), «интересы сообществ» (групп людей) и «общественный интерес» (интересы общества в целом). Поскольку добродетель во всех этих видах интереса понимается по-своему, решающее значение для преодоления этического релятивизма имеет осознанный личный интерес. Таким образом, мыслитель конституирует содержание личного интереса для создания «науки о нравственности». Конечной целью и одновременно средством этики должно стать соединение личного и общего интересов в истинном общем интересе. Тем самым Гельвеций фактически призывал объединить принципы аристотелевской этики добродетели с этикой долга, о которой писал его современник И. Кант.

Радикально переосмыслив и понятие «общего интереса», французский философ наполнил его новым содержанием. Истинно понимаемый общий интерес, по Гельвецию, являет собой составляющую общественно-разумной этической жизни. Это очевидно, ведь, несмотря на отличия и изменчивость моральных норм народов, люди живут в сообществах и испытывают перманентность воздействия общего интереса. Кроме того, общий интерес непосредственно касается как верующего, так и атеиста, который «не может отрицать своего собственного бытия, ни бытия подобных ему живых существ. Он не может сомневаться ни в отношениях, которые существуют между ними, ни в обязанностях, которые вытекают из этих отношений. Он не может, поэтому сомневаться в принципах нравственности, которая есть лишь наука об отношениях между существами, живущими в обществе» [4.Т.2, с. 434].

Развивая данную дедуктивную установку, Гельвеций обратил внимание на недопустимость имеющего место со времен Античности отождествления блага народа с благом правителей. Сторонник «договорной теории», философ полагал, что моральные нормы по своей сути являются добровольными соглашениями членов общества для счастья наибольшего числа людей. Поэтому о реализации народного блага можно говорить лишь тогда, когда счастливо большинство населения, а не только правящая верхушка. Это требование касается и взаимоотношений между господствующими и угнетенными нациями. В действительности нравственность большинства государств пока являла и являет лишь собрание способов укрепления власти меньшинством, а общественная гуманность безжалостна к индивидам и к целым народам, уничтожая, подчас ни в чем не виновных.

Решающим условием гармонизации личного интереса с общественным для французского мыслителя, как и для других просветителей, остается вера в возможности разума – в *правильное понимание* личностного интереса посредством признания общего блага как своего собственного. Эта согласованность, считает философ-реалист, лишь изредка встречалось в истории и вряд ли в полной мере воплотится в будущем.

Научная добросовестность, вкупе с примененными индуктивным и дедуктивным методами исследования хотя и не позволили Гельвецию полностью преодолеть этический релятивизм, но уберегли его от конструирования социальных прожектов. Правоту взглядов французского мыслителя подтвердила история. В то время как попытки реализовать политическую утопию марксизма, отвергающую индивидуальное начало в экономике, завершились распадом социалистического лагеря, существует и ширится, прежде всего, на родине Гельвеция, во Франции, мондиализм – движение, сторонники которого, с одной стороны, признают частную собственность, а с другой, – выражают солидарность человеческой популяции планеты Земля. Движение нацелено на создание надгосударственных законов и мировой федеративной структуры при учете интересов разнообразных культур. Вслед за первым «всемирным городом», маленький французским Каор (1949 г.) в течение нескольких лет «мондиализировались» десятки других французских, а вслед за ними немецких городов, а так же японские Хиросима и Нагасаки.

Вместе с тем, как и любое социальное действие, мондиализм сталкивается с противоположной тенденцией, имеющей давнюю традицию: многие современные государства, особенно мощные экономически и политически, стремятся рассматривать себя осью, вокруг которой вертится весь мир. На это обратил внимание видный немецкий философ Г.Йонас. В кн. «Принцип ответственности» [5] он отмечал, что современные «имущие» нации руководствуются прошлой этикой непосредственности и одновременности, а не заботой о будущем и коллективном. Им недостает не столько бескорыстной доброты, сколько просвещенности – дальнорзости эгоизма, их склонность к близорукости неискоренима, поскольку в качестве «эго» всякий раз выступает исключительно лишь ныне живущий.

И еще об одном важном, биографическом, обстоятельстве жизни французского просветителя: богатство, не превратило его, как многих просветителей в лицемера. Философ стремился следовать заявленным идеям. Унаследовав должность сборщика налогов, Гельвеций неоднократно вносил на рассмотрение французского правительства вопрос о снижении налогов для крестьян и городской бедноты. В то же время его соотечественник, близкий к народу по происхождению, автор основанной на принципе народного суверенитета теории «общественного договора», критик частной собственности Жан-Жак Руссо отдал пятерых своих детей в сиротский приют.

Будет, конечно, натяжкой превращать Гельвеция в нашего современника, но столь же неразумно не признать и не использовать потенциал его теоретического наследия. Исторические реалии XX столетия показали, что основанные на философии частного интереса идеология и политика, принесли человечеству меньше зла, чем коллективизм тоталитарных режимов. Однако верно и то, что в круге ином, внешне, практика стран бывшего социалистического лагеря, всех, претендующих на миссионерство государств ничем не обнаружила того, что в серьезных случаях они более свободны от коллективного эгоизма, чем другие коллективные субъекты. Но тогда уместно считать, что единство цели средства, о которых размышлял Гельвеций – гармонизация личного и общего интереса через разоблачение лицемерия политиков и философов по-прежнему актуальны.

Благодаря открытиям социально-гуманитарного (социология Дж.Мида, А.Шюца, П.Бергера, Т.Лукмана, П.Бурдьё, психология (З.Фрейд, У.Джемс, Дж.М.Болдуин, Ж.Пиаже), философского (Гегель, Маркс, Дж.Дьюи, М.Хайдеггер, К.-Л.Строс, Э.Мунье) знания была преодолена натуралистическая трактовка частного интереса как неисторического врожденного атрибута человека. Вместе с тем, особую остроту сегодня представляет исследований возможностей разума в формировании содержания частного интереса, его согласования общим.

Эти задачи коррелятивны с активно обсуждаемой в обществе и в социальных науках темой о путях построения «устойчивого», «гражданского» общества с гармонизацией интересов человечество/государство, государство/общество, общество/индивид. Решающим средством для ее достижения является воспитания разумного «монадного человека» [6, с.40]. Сознание такого человека есть сознание «подлинного» (К.Ясперс), а не «циничного» (П.Слотердайк) просвещения, взявшего на вооружение от прежнего Просвещения лишь рациональность, преследующую власть, но не конечные цели человеческого разума. Высшим интересом и главной ценностной установкой человека-монады должны стать не утилитаризм – обеспечение внешних «первичных» потребностей, не гедонизм – кратковременное чувственное удовольствие, а внутренняя удовлетворенность и одновременно благоденствие, т.е. такое состояние, когда в конкретных поступках человек зрит свой горизонт – гармонию с другими и свободу. Для актуализации и развития способностей индивиды интериоризируют в спонтанном практическом чувстве, «габитусе», (П.Бурдьё) базовые родовые нравственные принципы.

Общие нормы нуждаются в философской, волевой и практической поддержке, так как человек стал опасен не только для себя самого, но и для биосферы. Установкой «последнего просвещения» на волевой эвдемонистический разум приобретает новый, практический смысл, а именно: «Свободное развитие каждого лишь тогда станет условием свободного развития всех, когда оно (это развитие) сопровождается ответственностью, за бытие универсума.

Свое предназначение монадный человек может реализовать, руководствуясь «коммуникативным аргументирующим разумом» и принципами «дискурсивной этики», представленными, например, Ю. Хабермасом [7]. Современная эпоха, считает немецкий философ, характеризуется не только дифференциацией, разногласиями и неопределенностью, но и рационализацией всех общественных отношений. Аргументирующий разум является нашей неизбежной судьбой. Современники вполне способны отличить морально правильное от морально неправильного. Человек, который не знает, что является уместным в различных ситуациях, будет чужаком в существующем «жизненном мире». Преодолевая наивный прогрессистский оптимизм философии Просвещения, Хабермас выделил следующие атрибуты новой рациональности: во-первых, разумное конституируется не содержательно, а процедурно; во-вторых, люди используют рациональную модель общения спонтанно; в-третьих, аргументы разума общезначимы, т.е. имеют силу для всех случаев одного и того же вида. Главным условием коммуникации должно стать равноправие и ответственность разумных и ошибающихся участников. Отсюда следуют ограничения на эгоцентристские и этноцентристские интересы.

Думается, что общество, а вместе с ним и философия, сейчас стоят на перепутье. Они желают возродить целостность социоантропного бытия, следуя в двух направлениях: либо, подчинив духовно-разумное страстно-телесному, снять с повестки дня размышления о горизонтных целях и ценностях, либо, наоборот, воссоздать в человеке удовлетворение и чувственное наслаждение настоящим через проекцию разумного видения дальнего будущего. С этим выбором пересекается другой: предпочесть ли в индивиде самодостаточность Единственного Штирнера и Ницше, или сделать своим-уникальным родовое Человеческое Гельвеция и Канта? Учитывая обе проблемы, можно предположить, что эффективность их разрешения, как и ранее в истории, будет определяться социальной практикой а так же новыми открытиями социально-гуманитарного знания, способностью сочетать традиции подлинного просвещения с вызовами настоящего и будущего. Эффективность философских обобщений зависит от способности воспитать разумно-волевою, чуткую личность, способную пройти путь от лишнего рефлексивности «нарциссизма» к осознанному открытию и переживанию себя в мировом целом.

Библиографический список использованной литературы

1. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 584 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 588 с.
3. Свасьян К. О конце истории философии / К. Свасьян // Вестник РФО. — 2005. — № 4. — С. 32–49.
4. Гельвеций К.А. Сочинения в двух томах / К.А. Гельвеций. — М., 1973–1974.
5. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Ганс Йонас. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 480 с.
6. Панченко О.В. Философские пролегомены к концепции гражданского общества / О.В. Панченко // Вестник Сев. НТУ. — 2009. — Вып. 94. — С. 37–40.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб.: Наука, 2000. — 380 с.

Поступила в редакцию 16.01.2012 г.

Панченко О.В. Приватний інтерес і просвіта

Розглядається еволюція філософського сенсу і значення приватного інтересу у житті сучасних суспільств.

Ключові слова: єдиний, інтерес, суспільство, просвіта, розум, людина.

Panchenko O.V. Private interest and enlightenment

The article considers the evolution of philosophical meaning and significance of private interest in the life of cotemporary societies.

Keywords: exclusive, interest, society, enlightenment, understanding, person.